

ЕРМАК Дмитрий Александрович,
аспирант 1 курса, кафедра теории и истории государства и права,
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Россия,
тел: +7-922-606-00-31,
e-mail: dima.dima.ermak@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

АННОТАЦИЯ. В статье проводится теоретико-правовой анализ трансформации базовых правовых категорий (субъекта, объекта и содержания правоотношений) в условиях цифровизации общественных отношений. Исследуются процессы интеграции цифровых технологий в правовую сферу и их влияние на традиционные юридические конструкции. Особое внимание уделяется феномену цифровых прав как нового объекта гражданских правоотношений, проблеме идентификации субъекта права в цифровой среде, а также вопросу о правовом статусе искусственного интеллекта. Автор приходит к выводу о том, что цифровизация провоцирует не только изменение структуры правоотношений, но и трансформацию самих правовых средств и механизмов, которые приобретают черты гносеологического инструментария, посредством которого право фиксирует и упорядочивает элементы новой социальной реальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация права, правовые категории, правоотношение, субъект права, объект права, цифровые права, искусственный интеллект, смарт-контракт, правовые средства, цифровая среда.

ERMAK Dmitry Alexandrovich,
1st-year postgraduate student, department of theory and history of state and law,
Ural Institute of Management – branch of RANEP, Yekaterinburg, Russia

TRANSFORMATION OF LEGAL CATEGORIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

ANNOTATION. The article provides a theoretical and legal analysis of the transformation of basic legal categories (the subject, object, and content of legal relations) in the context of the digitalization of social relations. The processes of integrating digital technologies into the legal sphere and their impact on traditional legal constructs are examined. Special attention is paid to the phenomenon of digital rights as a new object of civil legal relations, the problem of identifying the subject of law in the digital environment, and the issue of the legal status of artificial intelligence. The author concludes that digitalization provokes not only a change in the structure of legal relations but also the transformation of legal tools and mechanisms themselves, which acquire the features of epistemological tools through which law records and organizes the elements of a new social reality.

KEY WORDS: digitalization of law, legal categories, legal relationship, subject of law, object of law, digital rights, artificial intelligence, smart contract, legal tools, digital environment.

Введение

Цифровизация правового пространства провоцирует изменения структуры правоотношений, вводя в них новые элементы. В философско-правовом дискурсе всё чаще рассматриваются вопросы субъектно-объектного состава правоотношений, а также их содержания. Теория права определяет их следующим образом: «...объект (материальные и нематериальные блага), субъект (физические лица, юридические лица и государство) и содержание (субъективные права и юридические обязанности)» [1, с. 12]. Если рассматривать правоотношения как классическую правовую категорию, то трансформации подвергается её внутренняя структура и элементы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что традиционные правовые конструкции, сформированные в условиях аналогового правопорядка, оказываются недостаточными для адекватного регулирования отношений, возникающих в цифровой среде. Цель статьи – выявить сущностные характеристики изменений ключевых юридических понятий и раскрыть противоречия, возникающие в процессе интеграции цифровых технологий в правовую сферу.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход), а также специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Трансформация объекта правоотношений в цифровой среде

Введённые поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливают в качестве объекта права цифровые рубли и цифровые права [2]. Данные новые внутренние элементы показывают, что юридическая наука активно осваивает новое цифровое и виртуальное пространство. Здесь важно понимать, что есть цифровые права и цифровые активы, является ли тот же цифровой код вещью.

Феномен появления понятия «цифровые права» как объекта объясняется внедрением глобальной виртуализации социального взаимодействия. Появление сети «Интернет» способствовало внедрению данной категории прав, отражающих переосмысление и совершенствование понятийно-категориального аппарата юриспруденции. В контексте историко-правовой ретроспективы эта категория отражает новый вектор в развитии прав, начиная от первого поколения индивидуальных свобод и заканчивая третьим поколением коллективных и солидарных прав [3]. Современные цифровые права объединяют индивидуальные потребности (например, право на приватность) и общественные требования (защиту цифровой экосистемы и доступ к технологиям).

Интеграция цифровых прав в качестве объекта гражданского оборота (ст. 141.1 ГК РФ) демонстрирует процесс трансляции традиционных правовых конструкций в цифровую среду. Стоит учитывать, что трансформация объекта неминуемо затрагивает и субъектный состав правоотношений. Цифровая среда порождает гибридные и автономные элементы – начиная от алгоритмических систем и ботов и заканчивая децентрализованными автономными организациями. Статус указанных элементов не укладывается в классическую дихотомию «физическое/юридическое лицо». В результате изменяется не только содержание правоотношений (например, через смарт-контракты, определяющие права и обязанности кодом), но и сама природа правовых средств и механизмов, призванных регулировать взаимодействия между человеком, государством и цифровыми агентами.

Проблема субъекта правоотношения в цифровом пространстве

Что касается субъекта правоотношения, то здесь ситуация требует отдельного анализа. Проблема идентификации субъекта права в цифровом пространстве заслуживает особого внимания. Так, Р.Ф. Азизов в своем диссертационном исследовании отмечает, что «Если при взаимодействии в «реальном мире», в конечном счете, действуют те или иные естественные признаки идентификации (внешность, голос и пр.), то при взаимодействии через сеть Интернет в целом ни при каких условиях нельзя окончательно иденти-

фицировать конкретное лицо. Технические средства идентификации могут позволить создать юридическую фикцию или презумпцию определенного лица, но не могут позволить окончательно идентифицировать субъекта правоотношений». [4, с. 24].

В свою очередь, на практике возникает юридико-философская антиномия при определении правового статуса искусственного интеллекта (ИИ). Позиция антропоцентризма чётко определяет действующим субъектом человека (его воля, действия, решения) либо его производную инструментальную форму – юридическое лицо, как абстракцию и юридическую фикцию. С одной стороны, искусственный интеллект, не обладая сознанием или волей, представляет собой сложный цифровой алгоритм, который используется человеком в качестве инструмента для решения задач, в том числе рутинных. В силу этого антропоцентрического подхода вся ответственность за его функционирование возлагается на разработчика и оператора. Как отмечает В.Б. Исаков, «...на основе ИИ могут создаваться системы управления с высокой степенью автономности, действующие без прямого участия человека. В некоторых видах производства, в сфере банковских расчетов такие системы уже работают...» [5, с. 53]. Таким образом, даже при высокой степени автономности ИИ и его внешне «человекоподобном» поведении степень этой автономии остаётся под контролем, что позволяет сохранять антропоцентрический подход в сфере права. Как подчёркивается далее, «...пределы автономии таких систем не безграничны. Обязательно предусматривается уровень управления, на котором в случае сбоя или отказа автоматики происходит подключение человека» [5, с. 53].

Цифровая эволюция содержания правоотношений

Трансформация субъектного состава и объектов правового регулирования в цифровой среде не является изолированным процессом. Она закономерно императивно детерминирует изменение содержания правоотношений – той динамической составляющей, которая наполняет правовую связь конкретными субъективными правами и юридическими обязанностями. Если традиционное содержание формировалось через призму диспозитивно-императивного метода, интерпретируемого человеком, то в условиях цифровизации оно всё чаще обретает черты алгоритмически заданного сценария взаимодействия. Анализ этой метаморфозы позволяет выявить, как классические правомочия и обязанности трансформируются, порождая потребность в принципиально новых правовых средствах для их реализации и защиты.

Логическим продолжением трансформации субъекта и объекта права является цифровая эволюция категории содержания правоотношений.

Под содержанием здесь понимаются конкретные субъективные права и корреспондирующие им юридические обязанности, которые наполняют правовую связь жизнью [6]. В цифровой среде эта наполняющая субстанция меняет свою природу, стремясь к формализации и автоматизации, что создаёт прямой запрос на модификацию или создание новых правовых средств для работы с таким содержанием.

Примером цифровой трансформации содержания правоотношений может выступать смарт-контракт. Традиционные субъективные права и юридические обязанности трансформируются в самоисполняющийся компьютерный код. В связи с этим действие субъектов в рамках реализации заключения и исполнения договора сведено к минимуму. Появляется некий контрагент, посредник, воплощающий волю сторон по определённой модели в жизнь. Хотя и этот аспект остаётся дискуссионным [7].

Правовые средства как гносеологический инструментарий

Анализ структуры правоотношений (её субъекта, объекта и содержания) позволил зафиксировать онтологические изменения в самой материи регулируемых общественных связей в условиях цифровизации. Однако право не ограничивается лишь пассивным отражением этой новой реальности. Право является активным регулятором, обладающим специальным инструментарием воздействия. Этот инструментарий и составляют правовые средства и механизмы – конкретные способы, формы и процедуры, с помощью которых право организует поведение, реализует нормы, защищает интересы и восстанавливает нарушенный порядок.

В этой связи трансформация структурных элементов правоотношения (что регулируется) закономерно ставит вопрос о трансформации инструментов регулирования (как регулируется). Классические правовые средства (договор, иск, государственная регистрация, юридическая ответственность), созданные для работы в «offline» (т.е. в реальности), утрачивают эффективность в цифровой среде. Поэтому центральной задачей становится исследование того, как эти традиционные средства изменяются и какие принципиально новые цифровые механизмы регулирования возникают.

Следовательно, трансформация базовых категорий права указывает не только на изменения регулируемых отношений, но и ставит вопрос о правовых средствах и механизмах, которые в определённой степени можно воспринимать гносеологическим инструментарием. Правовые средства выступают как форма познания и оперирования структурой в социальной реальности. В условиях цифровизации меняется не только онтология права (что есть правоотношение), но и его гносеология – как именно мы познаём, фикси-

руем и реализуем правовые связи.

Анализ правовых средств как категории в отечественной доктрине позволяет выявить их сущностную характеристику. Так, А.В. Шабуров, обобщая выводы ведущих теоретиков права (Матузов, Малько, Алексеев и др.), определяет правовые средства как волевою, юридически значимую деятельность субъектов в рамках дозволенного усмотрения в целях обеспечения законных интересов их использующих, не противоречащих законодательству и общественным интересам [8]. В рамках инструменталистской парадигмы правовые средства и механизмы предстают как конкретное воплощение регулятивной силы права, выраженной в конкретных юридических инструментах (процедуры, институты, средства юридической техники, нормы права и т.д.), образующих субстанциональную основу правовой действительности [9].

В контексте цифровизации это требует гносеологического углубления. Если рассматривать право не только как инструмент регулирования, а как форму познания реальности, то правовые средства и механизмы логично интерпретировать как операциональные формы правового сознания или «правового разума». Через данные формы право фиксирует, категоризирует и упорядочивает элементы социального бытия, превращая их в объекты правового воздействия.

В данной связи можно провести определённую методологическую параллель с философией Иммануила Канта [10], анализировавшего априорные формы рассудка и чувственности, которые конституируют в последствии опыт. Подобным образом, устоявшиеся правовые средства исторически сложились как «категории» правового разума, адекватные для познания и регулирования социальных отношений в доцифровую эпоху. Цифровой «онтос» (бытие, реальность), реальность алгоритмов, становится для этого разума испытанием в том контексте, что его традиционные познавательные формы (правовые средства) зачастую не способны адекватно схватить и урегулировать сущность новых цифровых явлений.

Подводя итоги анализа, заключим, что изменения правовой реальности, а точнее онтологии правоотношений, влекут трансформацию обеспечивающих их правовых средств и механизмов в более узком контексте, а именно – конкретных норм, институтов и процедур, то, что мы ранее называли «гносеологическим инструментарием». Эта трансформация проявляется в адаптации классических правовых средств, правовых категорий и механизмов к цифровой среде.

Однако попытка применения устоявшегося правового инструментария к принципиально новым цифровым и виртуальным реалиям порождает комплекс проблем. К ним относятся вопросы, связанные с проблематикой регулирования новых объектов и субъектов, в том аспекте, каким образом это должно осуществляться, и как сле-

дует упорядочивать и структурировать элементы правоотношений в цифровом формате.

Как было выявлено, центральной остаётся проблема признания или отрицания правосубъектности искусственного интеллекта [11]. Столкновение классических правовых конструкций с цифровой реальностью формирует зону актуальных вызовов, выраженных в определении правильной квалификации ответственности за действия автономных систем, и затрагивает сфе-

ру защиты прав человека в условиях прогнозной аналитики и алгоритмизации.

Дальнейшая разработка затронутой проблематики видится в направлении совершенствования понятийного аппарата, адаптации процессуальных институтов к работе с цифровыми доказательствами, а также в поиске баланса между национальным регулированием и трансграничным характером цифровых отношений.

Список литературы:

- [1] Танимов, О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации / О. В. Танимов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 2(111). – С. 11-18.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 27.01.2026).
- [3] Варламова, Н. В. Цифровые права - новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14, № 4. – С. 9-46.
- [4] Азизов Р. Ф. Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016.
- [5] Исаков В.Б. Перспективы искусственного интеллекта в праве (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. -2025. - № 3. - С. 47-62.
- [6] Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. - 5-е изд. - Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. - С. 377.
- [7] Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32-60.
- [8] Шабуров, А.В. Понятие средств правового регулирования / А. В. Шабуров, А. Shaburov // Вестник Омского университета серия «Право». — 2024. — № 2. — С. 5-14.
- [9] Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация. Советское государство и право, 1987, № 6.
- [10] И. Кант. Критика чистого разума / Пер. с немецкого Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. - М.: Наука, 1999. – 655 с.
- [11] Искусственный интеллект и его пределы в праве // XIII Петербургский международный юридический форум: официальный сайт. 2025 г. URL: legalforum.info (дата обращения: 27.01.2026).

References:

- [1] Tanimov, O. V. Transformation of Legal Relations in the Context of Digitalization / O. V. Tanimov // Actual Problems of Russian Law. – 2020. – Vol. 15, No. 2(111). – P. 11–18.
- [2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on July 31, 2025; with amendments dated November 25, 2025) (with amendments and additions effective from August 1, 2025) // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: January 27, 2026).
- [3] Varlamova, N. V. Digital Rights: A New Generation of Human Rights? / N. V. Varlamova // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2019. – Vol. 14, No. 4. – P. 9–46.
- [4] Azizov, R. F. Legal Regulation on the Internet: A Comparative and Historical-Legal Study : Doctoral Dissertation (Law). St. Petersburg, 2016.
- [5] Isakov, V. B. Prospects for Artificial Intelligence in Law (Overview) // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature: Abstract Journal. Series 4: State and Law. – 2025. – No. 3. – P. 47–62.
- [6] Matuzov, N. I. Theory of State and Law: Textbook / N. I. Matuzov, A. V. Malko. – 5th ed. - Moscow: Delo Publishing House (RANEPa), 2022. - P. 377.
- [7] Savelyev A.I. Contract Law 2.0: «Smart» Contracts as the Beginning of the End for Classical Contract Law // Herald of Civil Law. – 2016. – No. 3. – Pp. 32–60.
- [8] Shaburov A.V. The Concept of Legal Regulation Instruments / A. V. Shaburov // Herald of Omsk University. Series «Law». — 2024. — No. 2. — Pp. 5–14.
- [9] Alekseev S.S. Legal Instruments: Problem Statement, Concept, Classification. Soviet State and Law.
- [10] I. Kant. Critique of Pure Reason / Trans. from German by N.O. Lossky, with variant translations into Russian and European languages. - Moscow: Nauka, 1999. – 655 p.
- [11] Artificial Intelligence and Its Limits in Law // XIII St. Petersburg International Legal Forum: Official Website. 2025. URL: legalforum.info (accessed: 27.01.2026).